

2. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск: ТГПУ, 1992. 312с.
3. Дроботун А.В. Поэтика лексики обаяния в художественной прозе М.А. Шолохова // Текст. Структура и семантика: доклады X Юбилейной международной конференции. М., 2005. Т.2. С. 51 – 60.
4. Михин А.Н. Роман Д.С. Мережковского «Александр I»: художественная картина мира: Дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2004. 225с.
5. Тынянов Ю.Н. Проблемы стихотворного языка. М.: URSS, 2007. 176с.
6. Щукина Д.А. Пространство в художественном тексте и пространство художественного текста [Текст] / Д.А. Щукина. СПб, 2003. 368с.

О.А. Усачёва (Российская Федерация, г. Самара)

О ТИПОЛОГИЧЕСКОМ СХОДСТВЕ ДЕТСКОЙ, РАЗГОВОРНОЙ И ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ (КАТЕГОРИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА)²⁰

В современной лингвистике большое внимание уделяется разноаспектному изучению намеренных и ненамеренных отступлений от языковой нормы. Значимость исследования языковых аномалий подчёркивается многими учёными. В частности, А.А. Залевская говорит о «важности анализа механизмов ошибки как инструмента научного исследования процессов и механизмов функционирования языка у пользующегося им человека, в том числе продуцирования и понимания речи, организации языковых явлений в готовности к их применению в речемыслительной деятельности» [Залевская 2009: 6]. Нарушения норм нередко расцениваются лингвистами как один из способов осмысления языковой личностью действительности.

В центре внимания нашего исследования оказываются ненормативные формы выражения категории интенсивности в русском языке. Категория интенсивности изучается нами сквозь призму актуальной в языкознании рубежа XX – XXI вв. когнитивно-дискурсивной парадигмы, в которой, по словам Е.С. Кубряковой, «при описании каждого языкового явления равно учитываются те две функции, которые они неизбежно выполняют: когнитивная (по их участию в процессах познания) и коммуникативная (по их участию в актах речевого общения)» [Цит. по: Белошапкова 2012: 34-35]. Как отмечает С.Е. Родионова, для

---

²⁰ Исследование выполнено при поддержке проекта № 12-14-63002 Российского гуманитарного научного фонда.

исследования категории интенсивности становится чрезвычайно важной принципиальная установка когнитивно-дискурсивного подхода на «возможность и необходимость соотнесения формы и содержания языкового знака», «объяснения причин выбора или создания данной «упаковки» для данного содержания» (Кубрякова) [Родионова 2012: 108].

Предметом рассмотрения в данной статье является ненормативное употребление наречий-интенсификаторов и использование для выражения степени проявления признака нестандартных эталонных образов в детской (ДР), разговорной (РР) и поэтической речи.

Материалом для исследования послужили опубликованные и неопубликованные дневники наблюдений за детской речью, «Словарь современного детского языка» В.К. Харченко, произведения русской поэзии XIX – XXI вв., материалы Национального корпуса русского языка <http://www.ruscorpora.ru/>, интернет-сайтов: <http://www.det.org.ru/>, <http://www.boltusha.ru/>, <http://www.solnet.ee/>, интернет-форумов.

Проведённое исследование нестандартных способов репрезентации категории интенсивности позволяет говорить о типологическом сходстве детского, разговорного и поэтического дискурсов.

В анализируемых типах дискурса обращает на себя внимание значительное расширение сферы синтагматики интенсификатора *очень*: сочетание данного наречия с именами существительными (*очень чистюля, очень женщина*), с лексемами, называющими неградуируемый признак (*очень картонный, очень майский*), создание плеонастических выражений (*очень прекрасный, очень замечательный*).

Среди существительных, определяемых наречием *очень*, можно выделить две группы:

1) лексемы, выражающие качественную оценку или называющие градуируемое явление (*красавица, чистюля, хулиган, забава, любовь, гадость, дождь, секрет* и др.). Такие существительные могут определяться прилагательными-интенсификаторами: *невероятная красавица, большая забава, сильный дождь* и т.д. Приведём примеры: *О лягушке: И у неё **очень забава** – по водопадам кататься* (ДР; 7,7). *Отходя от освещенного солнцем сундука: – Я в тени хочу рисовать. Здесь **очень солнышко*** (ДР; 4). *Я **очень чистюля** стала, после того как ребенок переболел чем-то вроде кишечного отравления...* (РР). *Море где-то рядом, но я еще не ходила: **очень уж дождь**. Кругом все в дожде* (РР; Ф. Кнорре). *Тока... тс-с! Секрет! **Очень секрет!*** (РР). *Сонно протягивает руку / В синенький неба кров, / Маленькую, тонкую, – / **Очень любовь, очень кровь*** (Б. Лапин)..

2) существительные, основное значение которых не допускает градуального варьирования (*женщина, мужчина, москвич, немка, собака, свинья, монах, осень* и др.).

Наречие *очень* в данном случае указывает на высокую степень проявления тех или иных качеств, присущих обозначаемому существительным предмету или явлению, а также выражает большую степень уверенности говорящего в соответствии наименования обозначаемому. Определяемое слово приобретает в контексте качественное значение: актуализируется дифференциальная либо потенциальная градуируемая сема, входящая в структуру значения слова.

Как правило, в таких словосочетаниях отражаются стереотипные представления о предмете, существующие в национальном языковом сознании. Подвергающийся интенсификации компонент значения варьирует в зависимости от коммуникативного намерения говорящего.

Проиллюстрируем данное положение на примере употребления в разговорной речи выражения *очень женщина*: *Образ Марины я считаю абсолютным: хорошая, «под Мэрилин Монро», слабенькая и послушная, «очень женщина»* (РР). *Она – очень женщина – немного пуста, немного заботлива, немного красуется...* (РР). *Я очень женщина, люблю свой пол, радовалась, что родила дочку два года назад...* (РР). *Я не жалею на тебя, Аля. Только ты – очень женщина. Ты говоришь: «Когда очень долго хочется какого-нибудь платья, то потом не стоит и покупать – как будто поносила и сносила наизусть»* (РР; В. Шкловский).

Определяемые существительные могут использоваться как в прямом, так и в переносном значении. Сравним два примера: *Иванка, я не вижу в этом ничего предосудительного. Сам дружу с людьми разных конфессий. Даже буддистский монах, очень буддистский и очень монах (по их понятиям) есть в друзьях* (РР). – *Народ у нас, в общем, веселый, хороший, – сказал Гурьев. – <...> Гурьев, полковник, тоже славный человек, но он уж очень монах, совсем отказался от водки* (РР; В. Гроссман). В обоих случаях субъектом речи подчёркивается полное соответствие номинации характеризуемому предмету. При использовании слова *монах* в прямом значении акцентируется высокая степень соответствия конкретного лица эталонному представлению о буддистском монахе. В основе метафоры, употребляемой во втором примере, стереотип о строгом воздержании монаха от употребления спиртных напитков.

Сочетание метафоры *монах* с наречием *очень* позволяет говорить о повторном усилении признака, т.к. используемый образ уже является эталонным.

См. также пример повторной интенсификации признака «неряшливость», высокая степень которого уже подчёркнута при помощи эталонного образа свиньи: *Я вот кушать не могу в компании. Меня страшно это напрягает, и, как правило, я не ем в гостях, и дома при гостях, и в барах-кафеешках. Не то чтобы я **очень свинья** и стесняюсь, просто неприятно мне* (РР).

Употребление подобных словосочетаний в детской речи свидетельствует о формировании у ребёнка представлений об эталонных носителях того или иного качества. Например: *Кусает жёсткую пастилу, очень долго и настойчиво грызёт, наконец откусывает маленький кусочек и говорит: – Я – **очень собака!*** (ДР). Конкретное существительное *собака* эксплицирует в контексте признаковую семантику. В высказывании отражается существующее в национальном языковом сознании представление о собаке как эталонном носителе качества «крепкие зубы». Используя интенсификатор *очень*, говорящий подчёркивает большую степень уподобления себя собаке по данному эталонному признаку, выражает абсолютную уверенность в возможности употребления применительно к себе данной номинации.

Интересными для исследования являются образы, представленные в поэтической речи. Например: *Да, это осень. Да, это **очень осень**. В самой последней, в самой критичной дозе. Это опять копает меня бульдозер, в поисках клада скаля зубатый ковш* (Я. Юшина). Используя выражение *очень осень*, поэт вызывает в сознании читателя целый комплекс представлений о ярко выраженных концептуальных признаках осени, в том числе эмоционально-психологических.

Семное варьирование значения наблюдается в рассматриваемых нами дискурсах и в случаях ненормативного сочетания наречия *очень* с прилагательными, называющими неградуируемый признак. Например: *Я шалаши буду (строить). Из этой можно? Она **картонная очень!*** (ДР; 4). *Выпросил инструмент у музыканта – Джей, дай мне свою дудку ненадолго, хочу для жены немного поиграть, она у меня **очень беременная*** (РР; В. Аксенов). *Вечер спускается над Москвой, / Мягко долив позолоты в краски, / Весь будто алый и голубой, / Праздничный, тихий и **очень майский*** (Э. Асадов).

Между детской и разговорной речью отмечается сходство в высокой частотности употребления плеонастических словосочетаний типа *очень прекрасный*. Избыточной интенсификации способствует повышенная эмоциональность речи: усиливая значение высокой степени, говорящий стремится «повысить «надёжность» сообщения» (Цейтлин). Приведём примеры: *Рисует: – Это принцесса, она **очень прекрасная*** (ДР; 4). *Там был такой джинн, **очень огром-***

*ный... (ДР; 3,10). **Очень замечательно!** (ехать на верхней полке) (ДР; 4,8). Носиться (=бегать) с ней (девочкой) я люблю. Она такая **очень бешеная** (ДР; 5,7). На горке **очень полно** снега! (ДР; 5,11). Я борщ **очень обожаю** (ДР; 4). Ну / там торты **очень шикарные**. У меня подружка там рядом работает и она нафотографировала торты (РР). Вот так замечательно Сергей поздравил всех девушек города Челябинска. И это **очень прекрасно** (РР). И бывает / что очень богатые делают **очень огромные** отчисления / как бы с себя смывая грех (РР). На самом деле / вот мы вчетвером в «шестерке» **очень замечательно** провели время (РР). Это **очень классный** фильм! (РР). Я **очень обожаю** маслины... если начну есть, то банку точно съем (РР).*

Употребление одного слова для интенсификации признака представляется говорящему недостаточным. Вероятно, здесь велико влияние стереотипной конструкции выражения усиления признака: *очень* + определяемое слово. Примечательно, что наречие *очень* используется как в детской, так и разговорной речи и для повторной интенсификации уже усиленного при помощи словообразовательных средств признака. Например: *Юбка **длиннящая очень!*** (ДР; 3). *Я храбрая, я **очень храбрючая**, я никого не боюсь!!!* (ДР; 3). *Полусапожки суперские ... но каблук **очень высоченный**, может, поэтому ходить тяжело* (РР). ... *пляж **очень длиннющий** и широкий* (РР).

В поэтической речи в случае повторной интенсификации, как правило, используются наречия с качественно-количественной семантикой: *сказочно прекрасный, ослепительно прекрасный, невероятно огромный* и др.

С.Н. Цейтлин пишет: «Ни одна из ошибок не является случайной: она определяется особенностями осваиваемой человеком языковой системы, условиями порождения речи и психофизическими особенностями личности» [Цейтлин 2013: 6].

Попытаемся понять причины возникновения рассмотренных нами языковых аномалий. На наш взгляд, для детской и разговорной речи ментальные механизмы порождения ненормативных высказываний с интенсификатором *очень* являются общими.

Опираясь на учение Н.И. Жинкина, С.Н. Цейтлин говорит о связи детских инноваций «с устройством долговременной памяти, которая включает несколько зон. В первой зоне расположены наиболее легко воспроизводимые слова, во второй – такие, которые воспроизвести труднее, и т.д. Опытный говорящий пользуется не только первой, но и другими зонами, неопытный (в данном случае – ребёнок) извлекает слово только из ближайшей зоны. В процессе совер-

шенствования речи происходит как расширение самих зон памяти, так и развитие навыка пользования словами из более отдалённых зон» [Цейтлин 2013: 29].

Наречие *очень*, являясь универсальным языковым выразителем степени проявления признака, представляет собой семантический примитив и находится в первой зоне памяти. Для выражения интенсивности признака подсознание предлагает данное слово говорящему (как взрослому, так и ребёнку) в первую очередь.

В детской речи ошибка имеет неосознанный характер, обусловлена неувоенностью норм сочетаемости. При спонтанном продуцировании речи в условиях разговорного общения сознательный контроль взрослых носителей языка ослаблен и говорящий автоматически воспроизводит слово из ближайшей зоны памяти. О степени осознания субъектом речи ошибки говорить трудно. Вероятно, в разговорной речи представлены как неосознаваемые, так и осознаваемые нарушения правил. В этом отношении представляют интерес наблюдения за собственной речью лиц, имеющих филологическое образование. В частности, употребление таких фраз, как *Получается **очень хаос*** (РР). *О запахе духов: – Гадость! – **Очень гадость!*** (РР) объясняется следующим образом: порождение фразы осуществляется неосознанно, но на начальном этапе её произнесения срабатывают механизмы контроля и происходит осознание ошибки, однако говорящий продолжает высказывание с целью создания экспрессии.

Отступление от стандарта в поэтической речи изначально подчинено замыслу автора. Использование такого яркого маркера интенсивности, как наречие *очень* в нетипичной ситуации позволяет поэту привлечь внимание читателя к коммуникативно значимому фрагменту речи. Показательны рассуждения теоретика имажинизма В. Шершеневича «... будем надеяться, что до тех пор, пока наречие не исчезнет совершенно, оно может употребляться при существительном с неменьшим успехом, чем при прилагательном или глаголе. Скучно писать: "скучно пишет", и гораздо сочнее: "скучно писатель"; однообразно и монотонно: "поразительно красивый", и ярче: "поразительно красота". Частично эта форма уже употребляется. Говорят, напр., "он очень человек", "он очень мужчина"» [Шершеневич 1996].

Проведённое исследование особенностей ненормативного употребления в анализируемых типах дискурса качественно-количественных наречий и использования нестандартных эталонных образов свидетельствует о близости детской и поэтической речи.

Рассматриваемые отступления от норм репрезентации категории интенсивности обусловлены такими общими особенностями детского и поэтического восприятия мира, как синкретизм и высокая активность воображения.

Нетипичное употребление наречий с качественно-количественным значением как в детской речи, так и в поэзии встречается очень часто. Нарушение норм лексической сочетаемости наречий с семантикой степени в детской речи в большинстве случаев обусловлено явлением лексико-семантической генерализации – усвоением детьми центральных признаков лексического значения и слабым представлением о дифференциальных признаках, об ограничениях в сочетаемости слова; в поэзии – стремлением автора найти новую форму выражения привычного смысла, усилить эмоциональную составляющую высказывания. Приведём примеры: *Этот торт я **наизусть** **распробовал**. Знаю, какого он вкуса* (ДР; 6,1). *Прыгая, подвернул ногу: – Ничего, я её **не насмерть подвернул**. Так ... сотрясение ноги* (ДР; 4,5). – *Мама, скачай мне, я хочу её [песню] **выучить насквозь!*** (ДР). *Мир, ты мной **безнадёжно прощён**, / И, как ты, **наизусть погибающий**, / Я выигрываю ценою моих морщин, / Словно Пирр, строчек побоище* (В. Шершеневич). *запишите на камне... такой-то: такого числа... / обещался... божился... заказывал ласку и сдрейфил... / високосной весной очень хочется **верить – дотла / исчезать – добела и влюбляться – до великолетия...*** (Е. Орлов). *Я **скучаю взахлеб!** / И мне вовсе не важно, / что серьезные люди скучают вальяжно* (Н. Дочинец).

Приведённые примеры отражают синкретизм детского и поэтического восприятия действительности. Характеризуя синкретизм детского мышления, Л.С. Выготский говорит о его обусловленности склонностью ребёнка принимать связь впечатлений за связь вещей [Цит. по: Большой психологический словарь]. Данное суждение справедливо и применительно к творческой деятельности поэта. По словам Ж.Н. Масловой, одна из особенностей поэзии – за счёт использования синтетических суждений возвращение к целостности конкретного чувственного представления [Маслова 2011: 32].

Яркой иллюстрацией типологического сходства детской и поэтической речи является широкое использование в названных дискурсах в качестве интенсификатора разнородных явлений наречия *громко* (*громко болит, громко любит, громко едет, громко пахнет* и мн. др.).

Лексема *громко* отчётливо выражает значение интенсивности эмпирически воспринимаемого признака, хорошо известного носителю языка из его предметно-практического опыта. Немаловажно, что данное наречие – один из первых качественно-количественных интенсификаторов, усваиваемых детьми.

Для поэтического текста, направленного, по свидетельству исследователей, главным образом, на создание чувственных впечатлений, образный интенсификатор *громко* оказывается органичным. Приведём примеры: *Входя в темный подъезд: – Мама, мне так страшно! Включи громче свет!* (ДР). *Папа: – Сонечка, будем одевать свитер? / Соня моргает. Папа переспрашивает. Соня: – Папа, ну я же тебе громко моргнула!* (ДР). – *Женя, ты не слышала, как петушок кукарекал? – Нет, я очень громко спала!* (ДР; 4). *Ты зачем, о мой милый, мне бросил в альков / Яркий ворох мужских и женских цветов, Громко пахнувших страстью весенней?* (Н. Минский). *лампа громко свет бросала / в пол опутан свет летел / там доска с гвоздём плясала / доску вальсом гвоздь вертел* (Д. Хармс). *Громче / Вьюнок / Вьется / С бледной берёзою; / Звонче / Венок / Бьется / Розовой розою* (А. Белый).

Следует отметить, что при ненормативном использовании наречия *громко* сема «звучание» нейтрализуется не всегда. Более того, нестандартные сочетания могут формироваться как раз на основании того, что интенсивность характеризуемых явлений сопровождается звучанием. Например: *Мама размешивает чай в полной чашке. – Не надо громко мешать чай, а то он разольётся* (ДР; 3). *Говорит маме: Не умой меня так громко! (Водой лицо мыли, а не мокрой рукой)* (ДР; 2, 11). *Построил высокую башню из кубиков: – Осторожно! Не ходите так громко! – Громко – это как? – Топтать слишком сильно не надо, а то трясётся всё* (ДР; 10, 4). *Пролетарии всех стран, / бейте в красный барабан! / Сил на это не жалейте, / не смотрите вкось и врозь – / в обе палки вместе бейте / так, чтоб небо затряслось. / Опускайте громче руку, / извинений не прося, / чтоб от этого от стуку / отворилось всё и вся* (Я. Смеляков). *Были давно / два певца у нас: / голос свирели / и трубный глас. / Хитро зрачок / голубой блестит – / всех одурманил / и всех прельстит. / Громко открыт / беспощадный рот – / всех отвоюет / и всё сметёт* (Я. Смеляков). В приведённых примерах лексема *громко* актуализирует значение интенсивности не столько звучания, сопровождающего действие, сколько самого действия.

Одним из выразительных средств экспликации категории интенсивности в детской и поэтической речи являются метафорические сравнительные конструкции типа *лёгкий как пух*. В основе создания таких конструкций лежат ассоциативные связи, устанавливаемые носителями языка между абстрактными понятиями и предметами реального мира. В качестве выразителя интенсивности признака выступает предметный образ-эталон.

В языковом сознании взрослых носителей языка присутствует система образов-эталонов, закреплённых в компаративной фразеологии (например: *злой*

как собака, мягкий как шёлк, сладкий как мёд и т.д.). Детскую и поэтическую речь отличает широкое использование конструкций с усилительным значением, не закреплённых узусом. Образы-интенсификаторы характеризуются многочисленностью и высокой степенью ситуативности. Любой предмет, известный субъекту речи из его конкретно-практического опыта, может стать эталонным носителем того или иного присущего ему признака. Сравнительные конструкции и в речи детей, и в поэзии нередко представляют собой причудливые, неожиданные, на первый взгляд, аналогии. Приведём примеры: *Гладит руку сестры: – Лена, ты такая гладкая, как асфальт!* (ДР; 5). *Мам, мы быстро бежим? Как блендер?* (ДР; 3,5). *Учительница строгая, как война* (ДР; 6,1). *Девочка в порыве чувств обнимает маму: – Мама, ты такая нежная, как старый банан!* (ДР). *Папа у нас упрямый, как треугольник!* (ДР). *В полнолуние: – Луна такая красивая, как колбаса!* (ДР; 3,5). *Увидела длинную траншею: – Яма длинная, как туалетная бумага* (ДР; 2,6). *Инна, ты такая тоненькая... Как эта широкая кровать...* (ДР; 6). *Мама, ты видела на остановке тётю? У неё коса длиннее, чем мой мультик* (ДР). *В тот вечер возле нашего огня / увидели мы черного коня. / ... Он черен был, не чувствовал теней. / Так черен, что не делался темней. / Так черен, как полуночная мгла. / Так черен, как внутри себя игла. / Так черен, как деревья впереди, / как место между ребрами в груди. / Как ямка под землею, где зерно. / Я думаю: внутри у нас черно* (И. Бродский). *Пусть будет эта повесть / Написана всерьез / О людях тех, чья совесть / Чиста, как Дед Мороз* (Н. Глазков). *Поэзия, когда под краном / Пустой, как цинк ведра, трюизм, / То и тогда струя сохранна, / Тетрадь подставлена, – струись!* (Б. Пастернак). *Если рывкнул гром бы / вражьих жерл, / стал бы тверд, как ромбы, / ихний взор* (Н. Асеев). *Шар молнии, огромный, как кастрюля, / Скатился вниз, сквозь листья пролетел, / И дерево, как свечка, загорелось* (Н. Заболоцкий).

Анализируемые конструкции воспринимаются как ошибочные. Однако нарушаемые нормы – система эталонов, закреплённая на уровне национального сознания, – имеют субъективно-конвенциональный характер. Объективно же, с точки зрения логики, ничто не препятствует использованию создаваемых детьми и поэтами образов в качестве эталонных.

На первый взгляд, предпосылки возникновения образов в рассматриваемых дискурсах разные: в детском языковом сознании отсутствуют шаблоны; поэт стремится уйти от стандарта. Вместе с тем общность ментальных процессов формирования образов-интенсификаторов обусловлена близостью детской и поэтической картин мира. И детям, и поэтам свойственно эмоциональное

восприятие действительности, способствующее активной работе воображения. Ж.Н. Маслова выявляет следующие черты поэтического дискурса: «В поэтическом языке находит отражение деятельность бессознательного, субъективность, допущение нелогичности, парадоксальности истины, познание собственного "Я" и восприятие окружающего мира, основанное, прежде всего, на работе воображения. Поэтическая картина мира опирается на деятельность воображения и структурируется, во многом, на эмоциональной основе» [Маслова 2011: 38-39]. Названные особенности во многом определяют и детскую картину мира.

Оригинальность создаваемых детьми образов позволяет говорить о богатстве детского воображения. Однако, по словам Л.С. Выготского, в силу незначительного конкретно-предметного и культурного опыта ребёнка воображение у него гораздо беднее, чем у взрослого человека. Яркость, замысловатость детских образов объясняется тем, что ребёнок «больше доверяет продуктам своего воображения и меньше их контролирует» [Выготский 1991: 28]. При этом выбор языковых средств взрослым человеком, в том числе поэтом, ограничен рядом факторов. Как отмечает Ж.Н. Маслова, ограничениями свободы поэтического творчества служит культурный фон, в котором поэт существует, и язык, на котором он пишет [Маслова 2010: 62].

Таким образом, примеры ненормативных форм выражения категории интенсивности в детской, разговорной и поэтической речи свидетельствуют о типологическом сходстве данных дискурсов. Большой степенью близости характеризуются детская речь и разговорная речь, детская речь и поэзия. В основе формирования нестандартных высказываний в разных типах дискурса лежат сходные ментальные процессы, отражающие общие особенности восприятия носителями языка действительности.

Библиографический список

1. Белошапкова Т. В. Когнитивно-дискурсивная парадигма в кругу лингвистических парадигм современного отечественного языкознания // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства: Сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. В.Р. Тимирханов. В 2-х томах. Т. 1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. С. 31-37.
2. Большой психологический словарь / под редакцией Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/30>
3. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте: Психол. очерк. М.: Просвещение, 1991. 96 с.

4. Гвоздев А. Н. От первых слов до первого класса: Дневник научных наблюдений. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981. – 323 с.
5. Залевская А. А. Речевая ошибка как инструмент научного исследования // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 6-21.
6. Маслова Ж. Н. Поэтическая картина мира в контексте гуманитарного и филологического знания // Когниция, коммуникация, дискурс. Международный электронный сборник научных трудов. Харьков, 2011. № 3. С. 26-41. URL: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no3-2011/maslova-z-n>
7. Маслова Ж. Н. Поэтический дискурс // Функциональная лингвистика: сборник научных работ. Том №2. Симферополь: Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования, 2010. С. 61-63. URL: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/flin/2010_2/Maslova.pdf
8. От двух до трёх. Дневниковые записи / ред. М.Б.Елисеева. СПб.: ТОО «БИОНТ», 1998. 160 с.
9. Родионова С. Е. Категория интенсивности в русском языке: когнитивно-дискурсивный подход к изучению // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства: Сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. В.Р. Тимирханов. В 2-х томах. Т. 1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. С. 106-114.
10. Харченко В. К. Корпус детских высказываний. М.: Изд-во Литературного института им А.М. Горького, 2012. 520 с.
11. Харченко В. К. Словарь современного детского языка. В 2-х тт. Белгород: Изд-во Белгородск. ун-та, 2002. Т. 1. 346 с. Т. 2. 278 с.
12. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение: Учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 192 с.
13. Шершеневич В. Г. Листы имагиниста: Стихотворения. Поэмы. Теоретические работы. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1996. URL: http://az.lib.ru/s/shershenewich_w_g/text_1920_2x2.shtml